

И. Н. ХРАПУНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В МОГИЛЬНИКЕ НЕЙЗАЦ

Могильник Нейзац расположен в центре крымских предгорий, приблизительно в 20 км к юго-востоку от Симферополя, в долине реки Зуя. К 2005 г. там было исследовано 268 погребальных сооружений, представляющих собой склепы, подбойные и грунтовые могилы. Судя по погребальному инвентарю, на территории могильника непрерывно хоронили со второй половины II до конца IV вв. н. э. [1–6].

Определить время, когда некрополь перестали использовать, желательно как можно более точно, в частности, для того, чтобы иметь возможность сопоставить эти данные с историческими событиями, зафиксированными письменными источниками. В данной статье публикуются результаты раскопок погребальных комплексов, содержавших наиболее поздние, из найденных на территории могильника, вещи.

Могила № 73 (рис. 1; 2). Подпрямоугольная в плане могильная яма ориентирована с запада на восток. Ее длина 2,1 м, ширина 0,65–0,8 м, глубина от уровня материка 1,6 м. В восточной части могила несколько расширяется книзу.

Погребение совершено на дне могилы в вытянутом положении на спине головой на запад. От костяка сохранились только череп, фрагменты бедренных и берцовых костей. Слева от погребенного на уровне тазовых костей и ног лежали три камня. У черепа найдена бронзовая серьга (рис. 1,1; 2,1) и бусы (рис. 1,2; 2,2,5). На палец правой руки был надет бронзовый перстень (рис. 1,3; 2,4). У правой ноги обнаружено стеклянное пряслице (рис. 1,4; 2,3). Приблизительно на уровне колен, справа, перпендикулярно костям лежала фибула (рис. 1,5; 2,6). В ногах погребенного, в северо-восточном углу могилы стояли пять лепных сосудов (рис. 1,6–10; 2,7–11).

Наибольший интерес, среди находок сделанных в могиле, представляет бронзовая двупластинчатая фибула. Ее длина 4,1 см. Она изготовлена литьем в

один прием, с последующей доработкой. Пластинки соединены дуговидной, массивной, треугольной в сечении спинкой. Край головного щитка представляет собой правильную дугу, его нижняя часть срезана по прямой линии. На головке имеется гладкий выступ в виде штыря. Под щитком находится расположенная перпендикулярно по отношению к нему пластина с двумя отверстиями, предназначенными для осей пружины. Ножка ромбовидная в плане, с наибольшим расширением посередине. Одна из пружин, игла и приемник утрачены в древности (рис. 2, б).

По всем признакам публикуемая фибула принадлежит варианту IББ по классификации А.К.Амброза [7, с. 83]. Двупластинчатые фибулы изучали многие археологи. Сегодня можно считать общепризнанным, что застёжки, подобные найденной в Нейзаце, образуют самый ранний их вариант. Немногочисленные находки таких застёжек довольно равномерно распределены по всей территории черняховской культуры. За ее пределами они обнаружены в Крыму, а также, единичные экземпляры, в Восточной Польше, на Северном Кавказе и на Оке [7, с. 83, 86; 8, s. 161-164; 9, p. 136-149]. По поводу датировки маленьких двупластинчатых фибул среди современных исследователей есть расхождения. Самую раннюю дату – фаза С2b европейской хронологической схемы, иными словами начало IV в. н. э. – предложил А.Коковский [8, s. 158], к несколько более позднему времени – фазе С3 или к догуннской эпохе относит их Я.Тейрал [10, s. 235]. Другие исследователи черняховской культуры полагают, что маленькие двупластинчатые фибулы диагностируют самую последнюю ее фазу, относящуюся ко времени после 375 г. н. э. [11, с. 45; 12, с. 44, 48, 49].

В Крыму несколько двупластинчатых фибул варианта IББ А.К.Амброза обнаружены в керченских склепах и в могильнике Суук-Су близ Гурзуфа. Керченские находки А.И.Айбабин обоснованно датировал первой половиной V в. н. э. [13, с. 18; 14, с. 262; 7, с. 83]. Морфологически наиболее близки нейзацкой находке фибулы из погребения № 88 черняховского могильника Гавриловка в Приднепровье и из склепа № 145/1904 г. на Госпитальной улице в Керчи. Их отличие заключается, главным образом, в наличии декоративной кнопки на головке, в то время как нейзацкий экземпляр украшен гладким выступом в виде штыря. Застёжку из Гавриловки И.Гавритухин относит к предгуннскому, а из Керчи – к гуннскому времени [9, p. 123]. Такие же, как на нейзацкой застёжке, гладкие выступы находились на головных пластинках пары серебряных фибул, обнаруженных во впускном погребении одного из курганов танаисского некрополя. От публикуемого экземпляра они отличаются несколько иной формой ножки и наличием гравированного орнамента [15, с. 177, 179].

Судя по ареалу маленьких двупластинчатых фибул, в Крым они должны были попадать с территории черняховской культуры. Это допущение является еще одним, помимо датировок А.И.Айбабина, правда, косвенным, основанием для

отнесения крымских находок к гуннскому времени. Дело в том, что двупластинчатых фибул нет ни в одном из однокультурных и синхронных Нейзацу крымских могильников, таких как Дружное, Суворово, Красная Зоря и др. [из последних работ об этих памятниках см.: 16–18]. Все они активно использовались в течение IV в. н. э. Погребальный инвентарь представлен самыми разнообразными категориями находок. Контакты жителей крымских предгорий с носителями черняховской культуры подтверждаются довольно многочисленными вещами, попадавшими в Крым с ее территории. В частности, различными вариантами прогнутых подвязных фибул. Единственная для всех этих могильников застежка из Нейзаца, скорее всего, оказалась в Крыму на самой финальной стадии их использования, то есть в конце IV или в начале V в. н. э. В эпоху Великого переселения народов двупластинчатые фибулы становятся неотъемлемым элементом женского костюма крымских варваров [19].

Впрочем, единичность нейзацкой находки допускает и иные, пусть менее вероятные, толкования. Нельзя исключить, что фибула оказалась в Крыму тогда, когда появились первые застежки такого типа, то есть в фазе С3 европейской хронологической схемы. Дефектность нашего экземпляра – утрата в древности пружины, иглы и приемника – порождает обычное для археолога предположение о длительности его использования. Но это, конечно, не более, чем догадка. Фибулу могли сломать и через день, и через час после того, как она попала к своему владельцу. Сломанную фибулу нельзя было использовать по назначению, поэтому ее положили рядом с погребенным. Вероятно, подобное применение должно было подчеркнуть особую значимость, как элемента погребального инвентаря, фибулы именно такого типа.

Редкую находку представляет собой стеклянное пряслице. Оно биконическое, сделано из светло-зеленого прозрачного стекла, украшено темной полосой и зигзагообразным орнаментом белого цвета (рис. 2,3).

Стеклянные пряслица, судя по опубликованным материалам, ранее в Крыму не находили. Изредка их обнаруживают при раскопках черняховских поселений и могильников [20, с. 41, 128; 21, с. 105]. Однако по форме и орнаментации они заметно отличаются от находки из Нейзаца. Следует еще обратить внимание на сходство нейзацкого пряслица с распространенными во II–IV вв. н. э. крупными стеклянными бусами, украшенными поперечно-волнистым орнаментом [22, с. 39; 23, с. 283]. От бус оно отличается биконичностью и широким каналом отверстия. Тем не менее, не будет ошибкой сказать, что бусы и пряслице сделаны в одном стиле.

Бронзовый перстень с проволочной дужкой и щитком, образованным навитой проволокой (рис. 2,4), совершенно аналогичен по форме серебряному экземпляру из склепа № 69 могильника Дружное. Разграбленный склеп датируется IV в. н. э.

[17, с. 31, 32, 46, 70, рис. 169,7; там же см. аналогии из античных, позднескифских и вельбарских памятников].

В могиле обнаружены три бусины двух типов. Шаровидная бусина из стекла с металлической прокладкой (рис. 2,5) соответствует типу 1б по классификации Е.П.Алексеевой и типу ВМП1 по классификации А.А.Стояновой. Датируются такие бусы эллинистическим и римским временем. Стекланный бисер синего цвета (2 экз.) (рис. 2,2) соответствует типу 166 Е.П.Алексеевой, датируется всей античной эпохой [22, с. 29, 72; 23, с. 286, 287].

Важным этнокультурным показателем является лепная керамика.

Миски из могилы № 73 соответствуют мискам типа 1 из соседнего, однокультурного и синхронного Нейзацу, могильника Дружное. Две из них (рис. 2,7,11) относятся к варианту А, одна (рис. 2,9) – к варианту С. Миски варианта А были распространены на памятниках различных культур античной эпохи и раннего средневековья. Миски варианта С более специфичны. Их немногочисленные находки в могильниках Нейзац, Дружное и Совхоз 10, возможно, объясняются присутствием потомков поздних скифов среди населения крымских предгорий позднеримского времени [24, с. 324, 325].

Горшки, подобные найденному в могиле № 73 (рис. 2,8), обнаружены в нескольких комплексах IV в. н. э. в Дружном. По мнению В.П.Власова, горшки типа 1.1/В продолжают линию развития скифской лепной керамики [24, с. 331]. Отметим также, что высокое усеченно-коническое горло является характерным признаком различных лепных сосудов, широко распространенных в крымских предгорьях в позднеримское время.

Лепной кувшин (рис. 2,10) более всего напоминает сосуд из склепа № 21 в Дружном, где захоронения производились в течение второй половины III-IV вв. н. э. [17, с. 20, 68, рис. 99,3]. Однако в деталях есть отличия, в частности, у кувшина из Нейзаца иначе сделана ручка, профилированная как у некоторых краснолаковых сосудов.

Керамика из могилы № 73 по характеру обработки поверхности, примесям к глине, морфологическим деталям и, в целом, типологически составляет единый комплекс с сотнями лепных сосудов, обнаруженных в погребальных сооружениях IV в. н. э. могильника Нейзац. Не отличается какими-либо заметными особенностями и погребальный обряд, зафиксированный раскопками этой могилы. Таким образом, можно сказать, что это рядовое для могильника Нейзац погребальное сооружение. Его выделяет находка двупластинчатой фибулы. Аналогичные застежки, как уже говорилось, отсутствуют и в Нейзаце, и в других крымских могильниках, принадлежащих той же культуре. По всей вероятности, фибула попала в Крым, когда в могильниках, подобных нейзацкому, совершали последние погребения. Произошло это на стадии D1 европейской хронологической схемы или, в абсолютных датах, в самом конце IV или в самом

начале V в. н. э. Начиная с гуннского времени, двупластинчатые фибулы различных модификаций становятся в Крыму едва ли не самым популярным видом застежек женской одежды.

Могила № 115. Склеп (рис. 3-6). Конструктивно довольно сложное погребальное сооружение. Первоначально оно представляло собой, вероятно, могилу с двумя подбоями. Позднее входную яму подбойной могилы использовали для сооружения входной ямы склепа, частично разрушив при этом подбой.

Южный подбой был овальным в плане. Его размеры 2,5x0,7 м. Северо-восточная часть подбоя разрушена входной ямой склепа. В его юго-западной части сохранилось несколько плоских плит от заклада. Погребение было совершено на угольной подсыпке в вытянутом положении на спине головой, вероятно, на восток. *In situ* сохранились кости ног и кисть левой руки. На запястье находился бронзовый браслет (рис. 4, 5; 7, 8). Кроме того, в подбое найдены кость животного, железная фибула (рис. 7, 9), краснолаковый сосуд (рис. 4, 6; 8, 7), бусина (рис. 7, 7) и обломки железного ножа (рис. 4, 7).

Овальный в плане северный подбой был отделен от входной ямы закладом из каменных плит, поставленных в два ряда. Его размеры 2,5x0,7 м, высота свода 0,6 м. Погребение было совершено в вытянутом положении на спине головой на юго-запад. Справа от черепа лежала железная пряжка (рис. 4, 1; 7, 10), на месте груди – железная фибула (рис. 4, 2; 7, 11). На правой локтевой кости обнаружена бронзовая подвеска (рис. 4, 3; 7, 12). У левого колена стояла краснолаковая чашка (рис. 4, 4; 8, 5).

Входная яма склепа подпрямоугольная в плане, ко входу в дромос несколько расширялась. Она ориентирована с северо-запада на юго-восток. Входная яма состояла из двух частей. Северо-западная часть представляла собой, вероятно, остатки входной ямы подбойной могилы. Ее размеры 0,9x0,6 м, глубина от уровня материка 0,7 м, от современной дневной поверхности 1,4-1,8 м. В торцовой части она была отгорожена камнями и использовалась как костехранилище: весь ее объем был заполнен беспорядочно лежавшими человеческими костями, вероятно, от двух погребенных. Возможно, эти кости были перезахоронены из частично разрушенного при сооружении входной ямы склепа южного подбоя. Среди костей найдена бусина (рис. 7, 3). Юго-восточная часть входной ямы являлась продолжением костехранилища. При этом она была значительно больше углублена – на 1,6 м от уровня материка, на 2,7 м от современной дневной поверхности. Размеры этой части входной ямы 1,9x0,9 м. Вход в дромос сделан в ее юго-восточной стене. Размеры дромоса 0,45x0,8 м.

Погребальная камера подпрямоугольная в плане, размером 3,0x2,3 м. Ее длинная ось расположена под углом к длинной оси входной ямы. Свод обвалился незначительно. Его высота составляла 0,9-1,3 м. Пол погребальной камеры находился на 0,2 м ниже пола дромоса.

Вдоль северной стены погребальной камеры стояли лепные (рис. 5, 17, 18, 20-25; 8, 2, 4, 8; 10, 1, 2, 4, 5, 7), краснолаковые (рис. 5, 15, 19; 8, 3, 9) и стеклянный (рис. 5, 16; 10, 6) сосуды. Между ними найдены железные ножи (рис. 5, 28, 29; 9, 6, 9), кости людей и животных. На полу погребальной камеры обнаружены останки трех погребенных. Все они ориентированы головами на юго-запад (ко входу). Погребение V располагалось ближе других к северной стене погребальной камеры. Многие его кости перемещены, многие отсутствовали. Судя по сохранившимся останкам, погребение было совершено на правом боку. Приблизительно в районе живота обнаружены железные нож (рис. 5, 14; 9, 7) и шило (рис. 5, 13; 9, 13). Слева от ног находилась железная пряжка (рис. 5, 26; 9, 14). Многие кости отсутствовали и у погребения IV. Оно, возможно, было совершено в вытянутом положении на спине. На месте груди найдены стеклянная бусина (рис. 5, 9; 9, 3) и бронзовая серьга (рис. 5, 12; 9, 5), в районе бедер – железные нож (рис. 5, 10; 9, 8) и пряжка (рис. 5, 11; 9, 17). У левой берцовой кости обнаружены железное шило (рис. 5, 7; 9, 11) и лепной сосуд (рис. 5, 8; 10, 1). Еще один лепной сосуд стоял между погребениями III и IV, в ногах (рис. 5, 27; 10, 3).

Погребение III было совершено на правом боку, ноги согнуты в коленях. В районе живота лежал железный нож (рис. 5, 32; 9, 10), близ левой бедренной кости, под перемещенной берцовой костью – бусина (рис. 5, 31; 9, 2) и бронзовая пряжка (рис. 5, 30; 9, 18).

Южная часть камеры оказалась свободной от погребений, совершенных на полу. Значительно выше уровня пола на земляной подсыпке, расположенной вдоль южной стены погребальной камеры, было совершено погребение I. Судя по очень плохо сохранившимся остаткам костей, погребенный был положен в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. На месте груди лежала бронзовая фибула (рис. 6, 6; 9, 16), а также бусина (рис. 6, 5; 9, 1), бронзовая пронизь (рис. 6, 5; 9, 4) и обломок шила (рис. 6, 7; 9, 11). Еще одна бусина найдена в районе таза (рис. 6, 4, распалась). В ногах находились бронзовая фибула (рис. 6, 1; 9, 12) и два пряслица (рис. 6, 2, 3; 9, 15, 19). Рядом с только что описанным погребением обнаружены плохо сохранившиеся и, вероятно, частично перемещенные кости ребенка. Судя по их расположению, погребенный был положен головой на юго-запад.

После того как входную яму склепа засыпали до уровня свода погребальной камеры, в ней, возможно, совершили еще одно захоронение. Во всяком случае, на этом уровне обнаружен череп и, рядом с ним, железные нож (рис. 4, 8; 7, 1) и шило (рис. 4, 9; 7, 6), а также две бусины (рис. 4, 10; 7, 4, 5). Кроме того, в заполнении входной ямы найдены лепной сосуд (рис. 8, 1), бронзовая пронизь (рис. 7, 2) и мелкие обломки керамики.

Обнаруженный при раскопках погребальный инвентарь позволяет установить дату совершения захоронений.

В северном подбое найдена железная лучковая подвязная одночленная фибула (рис. 7, 11). По классификации А.К.Амброза она принадлежит группе 15, серии I, варианту 4. Исследователь датировал застезки 4 варианта второй половиной II, возможно, началом III в. н. э. [7, с. 50]. В принципе подтвердил эту дату А.С.Скрипкин, оперировавший материалами Нижнего Поволжья [25, с. 107; 26, с. 44]. На Северном Кавказе лучковые фибулы варианта 4 датируются преимущественно второй половиной II – первой половиной III в. н. э. [27, с. 103], что полностью соответствует данным, полученным при раскопках могильника Нейзац [см. напр.: 1, с. 235]. Особенностью нейзацкого могильника является большое количество железных фибул, тогда как в других местах, в том числе в Крыму, их обычно делали из цветных металлов.

Короткоцилиндрическая бронзовая пронизь (рис. 7, 12) не имеет аналогий среди опубликованных материалов. Она составляет тип M10 по классификации А.А.Стойановой бус и подвесок из могильника Нейзац [23, с. 295].

Железная сильно коррозированная пряжка (рис. 7, 10) не дает оснований для датировки.

В южном подбое обнаружена железная фибула со сплошным пластинчатым приемником, завитком на конце ножки, пластинчатой, расширенной в средней части спинкой и нижней тетивой (рис. 7, 9). Она принадлежит многочисленной группе 13 по классификации А.К.Амброза [7, с. 45, 46]. Однако точных соответствий на уровне вариантов этой классификации публикуемая застезка не имеет. От варианта 7, датируемого II-III вв. н. э., она отличается нижней тетивой, а от фибул, распространившихся с этого же времени на Северном Кавказе – одночленностью [28, с. 167].

Найденная в том же подбое цилиндрическая бусина из меловой породы (рис. 7, 7) соответствует типу 7 по классификации Е.П.Алексеевой [29, с. 29] и типу МП2 по классификации А.А.Стойановой [23, с. 294]. Определенной хронологической позиции бусы этого типа не имеют.

Концы бронзового округлого в сечении браслета раскованы и им, кажется, придан вид змеиных головок (рис. 7, 8). Однако обычной для такого рода изделий гравировки на концах браслета нет. Браслеты с концами в виде змеиных головок были широко распространены в Крыму до середины III в. н. э. [30].

В обоих подбоях найдено по однотипной краснолаковой чашке (рис. 8, 5, 7). Подобные сосуды в большом количестве находят при раскопках североприморских памятников. Они производились с I по VII вв. н. э. [см. напр.: 31, с. 303, рис. 3,3; 32, с. 67, рис. 42; 33, табл. X; 34, с. 114, рис. 54; 35, с. 418]. Разновременные чашки имеют общую морфологическую схему, но отличаются друг от друга многими деталями. Классификация и хронология сосудов этого типа на уровне вариантов не разработана. Здесь отметим только, что чаши из склепов IV в. н. э. самого могильника Нейзац [36, рис. 6, 1] и некрополя Дружное

[17, с. 61, рис. 88,2,3; 139,13] отличаются от публикуемых в данной статье более вытянутыми пропорциями.

Среди костей, возможно, извлеченных из южного подбоя и заполнявших северо-западную часть входной ямы найдена цилиндрическая бусина из глухого белого стекла (рис. 7,3). Она соответствует типу 55 по классификации Е.П.Алексеевой [22, с. 67] или типу ОС-IV,1 по классификации А.А.Стояновой [23, с. 268, 269]. Такие бусы встречаются в большом количестве от Кавказа до Западной Европы. Время их максимального распространения – раннеримская эпоха. Это один из самых популярных типов бус в могильнике Нейзац.

Таким образом, основным датирующим материалом в подбоях являются фибулы. Судя по хронологии соответствующих типов застёжек, в северном подбое хоронили в конце II – первой половине III в. н. э., а в южном – во II-III вв. н. э. Установить время совершения захоронений точнее не представляется возможным. Вполне вероятно, что подбои использовались одновременно или почти одновременно, на что, как будто бы, намекают обнаруженные в каждом из них одинаковые краснолаковые сосуды.

В погребальной камере обнаружена бронзовая прогнутая подвязная двучленная фибула с железной осью пружины. Ее корпус изготовлен из прямоугольного в сечении бруска, верхние ребра которого срезаны на спинке и ножке, отчего они стали подпрямоугольными в сечении. В верхней части спинки и в месте подвязки оставлены прямоугольные в сечении площадки (рис. 9, 16).

Эта застёжка принадлежит группе 16, подгруппе 2, серии I, варианту 2 по классификации А.К.Амброза, который датировал такие фибулы IV в. н. э. [7, с. 63, 64]. Датировка прогнутых подвязных фибул различными современными исследователями отличается, но не очень сильно. В основном, они относят распространение подобных фибул к концу III – первой половине IV в. н. э. [об этом см.: 6, с. 303, 304, где речь идет о совершенно аналогичной публикуемой в данной статье фибуле, найденной в могиле № 139 нейзацкого могильника]. В Крыму прогнутые двучленные подвязные фибулы варианта 2 использовались, по-видимому, до конца IV в. н. э. Сменившие их застёжка варианта 3, характеризующиеся плоской в сечении спинкой, изредка встречаются в погребениях развитого IV в. н. э. [18, рис. 5,60], но широко распространяются уже в гуннское время [см. напр.: 19, с. 58; 37, с. 299; 38, с. 182; 39, с. 529, 530].

Еще одна фибула из погребальной камеры относится к группе “смычковых”. Она бронзовая одночленная со сплошным пластинчатым приемником, пластинчатой расширенной в верхней части спинкой и нижней тетивой (рис. 9, 12). А.К.Амброз датировал “смычковые” фибулы временем от рубежа I-II до III в. н. э. включительно [7, с. 47]. Основной период распространения подобных застёжек заканчивается, очевидно, около середины III в. н. э. В более поздних погребениях они встречаются не часто. Несколько “смычковых” фибул найдено в могильнике Нейзац [1, с. 234, 235].

Бусы, обнаруженные в погребальной камере, принадлежат нескольким типам. Бусина в виде 14-гранника из прозрачного синего стекла (рис. 9,2) относится к типу 134 по Е.П.Алексеевой или типу ОС-VII,7 по А.А.Стояновой. Такие бусы в большом количестве встречаются в черняховских и вельбарских погребениях. Они также использовались в качестве погребального инвентаря в могильнике Нейзац все время его существования [22, с. 70; 23, с. 272, 273]. Шаровидная бусина из синего прозрачного стекла со спиралевидными завитками с обеих сторон (рис. 9,3) принадлежит типу ОС-I,8в А.А.Стояновой и близка типу 203 Е.П.Алексеевой. Такие бусы были распространены в течение всего античного времени, особенно в комплексах I-III вв. н. э., в IV в. их количество значительно уменьшается [23, с. 206; 22, с. 44]. Шаровидная бусина (рис. 9,1) с внутренней металлической прокладкой (тип 16 по Е.П.Алексеевой или тип ВМП 1 по А.А.Стояновой) принадлежит тем изделиям, что были одинаково широко распространены в комплексах эллинистического и римского времени [22, с. 29; 23, с. 286, 287]. Цилиндрическая бронзовая пронизь с поперечным рифлением (рис. 9,4) отнесена в классификации А.А.Стояновой к типу М-I,6 [23, с. 295]. В погребальной камере найден еще фрагмент сильно ирризированной шаровидной поперечносжатой бусины из одноцветного стекла.

В склепе находились две краснолаковые миски с загнутыми краями (рис. 8,3,9). В Крыму обнаружены многие десятки таких сосудов. Они датируются в пределах III – первой половины V вв. н. э. [аналогии и обоснование датировки см.: 17, с. 58, 59].

Перейдем к характеристике лепных сосудов, стоявших у северной стены погребальной камеры. Две миски соответствуют варианту 1/В (рис. 8,2,4), еще две – варианту 1С (рис. 8,6,8) лепной керамики из могильника Дружное, классифицированной В.П.Власовым. Вариант 1/В совершенно неспецифичен в культурном и хронологическом отношении. Вариант 1/С, как уже говорилось в связи с аналогичной миской из могилы № 73, возможно, отражает позднескифские традиции в керамическом производстве [24, с. 324, 325].

Три однотипных сосуда (рис. 10,1,2,5) соответствуют кружкам типа 6В могильника Дружное [24, с. 346]. Появление сосудов подобной формы обоснованно рассматривается как одно из проявлений северокавказских влияний на формирование керамического комплекса из крымских могильников римского времени [40, с. 106].

Горшок (рис. 10,7) соответствует типу 1.1/В лепной керамики могильника Дружное. Форма сосуда восходит к скифским прототипам [24, с. 331]. Дуговидные налесты, возможно служившие ручками-упорами, украшают сосуды различных типов из крымских могильников IV в. н. э., в том числе и аналогичные публикуемому. Особенно много керамики с дуговидными налестами обнаружено при раскопках некрополя Нейзац.

Одноручный (рис. 10,4) и двуручный (рис. 10,3) сосуды, несмотря на несомненное общее сходство со многими керамическими изделиями из

могильников позднеримского времени предгорного Крыма [см. напр.: 24, рис. 5; 6; 13-15], точных аналогий среди опубликованных материалов не имеют.

Найденный вместе с лепными сосудами стеклянный кубок имел коническую форму и был орнаментирован чередующимися крупными и составленными в виде грозди мелкими каплями синего стекла (рис. 10,6). Конические кубки из прозрачного стекла, как с каплями синего стекла, так и без них, найдены в различных римских провинциях. Датируются они преимущественно второй половиной IV – началом V вв. н. э. В ареале черняховской культуры, откуда такие кубки, вероятно, попадали в Крым, для них предпочтительна несколько более поздняя дата – конец IV – первая половина V вв. н. э. [41, с. 266-269, с обзором существующих точек зрения о датировке конических стеклянных кубков]. В Крыму, кроме могильника Нейзац, конические кубки, украшенные каплями синего стекла, найдены в двух склепах могильника Суворово [42, с. 58, 61, рис. 2,10; 10,17]. Нейзац и Суворово представляют собой синхронные памятники, относящиеся к одной археологической культуре.

Судя по датировкам конических кубков из ареала черняховской культуры, в Крым они попадали в самые последние годы функционирования таких могильников как нейзацкий или суворовский, чем и объясняется их немногочисленность.

Косвенно подтверждает позднюю дату склепа № 115 то обстоятельство, что в погребальной камере зафиксировано малое количество погребенных, места для захоронения в ней оставалось более чем достаточно. Подобная ситуация отмечена в Дружном, где в самом позднем склепе № 87 обнаружены останки только трех погребенных. Некрополь перестали использовать прежде, чем успели совершить в склепе обычное количество захоронений [17, с. 72].

Конструктивно склеп № 115 представляет собой довольно стандартное для крымских предгорий IV в. н. э. погребальное сооружение, если не считать, конечно, особенностей, связанных с использованием входной ямы более ранней подбойной могилы и устройством в ней костехранилища. Однако некоторые особенности обряда, зафиксированные в его погребальной камере, не имеют аналогий в других погребальных сооружениях могильника и пока не поддаются убедительному объяснению. Это положение погребенных головами ко входу (обычно их укладывали ногами ко входу), совершение захоронений на правом боку, отсутствие многих костей, перемещение других, размещение погребенных на двух уровнях.

Непонятно также происхождение черепа и лежавших рядом с ним вещей в наполовину заполненной землей входной яме. Бусы, обнаруженные рядом с черепом, относятся к двум типам. Шаровидная поперечножатая бусина из глухого красного стекла (рис. 7,4) соответствует типу 3 Е.П.Алексеевой и типу ОС-1,3 А.А.Стояновой. Такие бусы иногда встречаются в комплексах IV в. н. э., но гораздо чаще – I-III вв. н. э. [22, с. 63; 23, с. 264-266]. Шаровидная поперечножатая бусина

из глухого черного стекла украшена тремя пятнышками из глухого желтого стекла, расположенными в поперечном поясе по углам равнобедренного треугольника (рис. 7,5). Соответствует типу 1 Е.П.Алексеевой и типу МС-1,1 А.А.Стояновой. Подавляющее большинство таких бус найдено в комплексах III-IV вв. н. э. Центрального и Юго-Западного Крыма [23, с. 278; 43, с. 56].

Кроме того, в заполнении входной ямы найдены бочковидная бронзовая пронизь (рис. 7,2) типа М-12 [23, с. 295] и лепной сосуд. Двуручная миска (рис. 8, 1) близка двум сосудам из склепов IV в. н. э. в Дружном (тип З-II), отличаясь лишь в деталях [24, с. 326]. Этим, если судить по опубликованным материалам, список аналогий исчерпывается.

Публикуемые комплексы представляют культуру населения крымских предгорий накануне прекращения использования могильников типа нейзацкого. Они приблизительно синхронны появлению на Крымском полуострове гуннов, с чем, вероятно, связаны перемещения различных групп населения, исчезновение одних некрополей и появление других. В это время в Крым попадают первые двупластинчатые фибулы и стеклянные сосуды, украшенные каплями синего стекла. Застежки одежды нового стиля и новые приемы орнаментации стеклянной посуды широко распространяются в этнической среде крымских гор и предгорий, сформировавшейся в начале эпохи Великого переселения народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
2. Храпунов И.Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.
3. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
4. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Вып. III.
5. Храпунов I.M. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац у Криму // Археологія. 2004. № 3.
6. Храпунов И.Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // ХСб. 2004. Вып. XIII.
7. Амброс А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
8. Kokowski A. O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na główce i rombowa nóżka // Studia Gothica. Lublin, 1996.
9. Gavritukhin I. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup // Jóna András múzeum évkönyve. XLIV evfolyam. Nyiregyháza, 2002.
10. Teiral J. Einige Bemerkungen zur chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten chronologie ab Latenzzeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.

11. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V международного конгресса археологов-славистов. Т.4. Киев, 1988.
12. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи "готских" походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
13. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
14. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
15. Толочко И.В. Спасательные раскопки и разведки в Танаисе в 2000-2001 гг. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азов, 2002. Вып. 18.
16. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
17. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
18. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСБ. 2003. Вып. XII.
19. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
20. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М., 1970.
21. Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
22. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12.
23. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. V.
24. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III-IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
25. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.
26. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
27. Абрамова М.П. Фибулы Хумаринского могильника (II-III вв. н. э.) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Вып. 2.
28. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV в. н. э.). М., 1993.
29. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г1-12.
30. Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. М., 2001.
31. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1936-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
32. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического в I-IV вв. н. э. Киев, 1982.
33. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983.
34. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н. э. Киев, 1993.
35. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
36. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.

37. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
38. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
39. Gerzen A, Maczyńska M. Ein Frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-Dere auf der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
40. Власов В.П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
41. Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
42. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
43. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1-12.

KHRAPUNOV I. N.
LAST BURIALS ON THE CEMETERY OF NEIZATZ
Summary

The cemetery of Neizatz is situated in the centre of Crimean foothills, about 20 miles to the south-east away from Simferopol, in the Zuya River valley. By 2005, 268 burial constructions have been investigated there; among them vaults, shaft-and-chamber and ditch graves. Judging by the burial inventory they buried their deceased on the territory of the necropolis since the second half of the 2nd century till the end of the 4th century AD.

It is necessary to define the period when they ceased to use this cemetery as exactly as possible. It will give the opportunity to compare these data with historic events stated in written sources. In the given article the author reports the results of the excavations of burial constructions, which contained the latest objects found on the territory of the cemetery.

The published complexes represent the culture of the population from the Crimean foothills on the eve of cessation of using cemeteries like Neizatz. They are approximately synchronous to the advent of the Huns on the peninsula. Migration of different groups of the population, disappearance of some necropolises and the appearance of the others are probably connected with it. At this period bi-plated fibulas and glass vessels decorated with blue glass drops get into the Crimea. Fasteners for clothes of a new style and new techniques for ornamentation of glasswares are widely spread in ethnic surroundings of the Crimean mountains and foothills, which was formed at the beginning of the epoch of Great Migration of peoples.

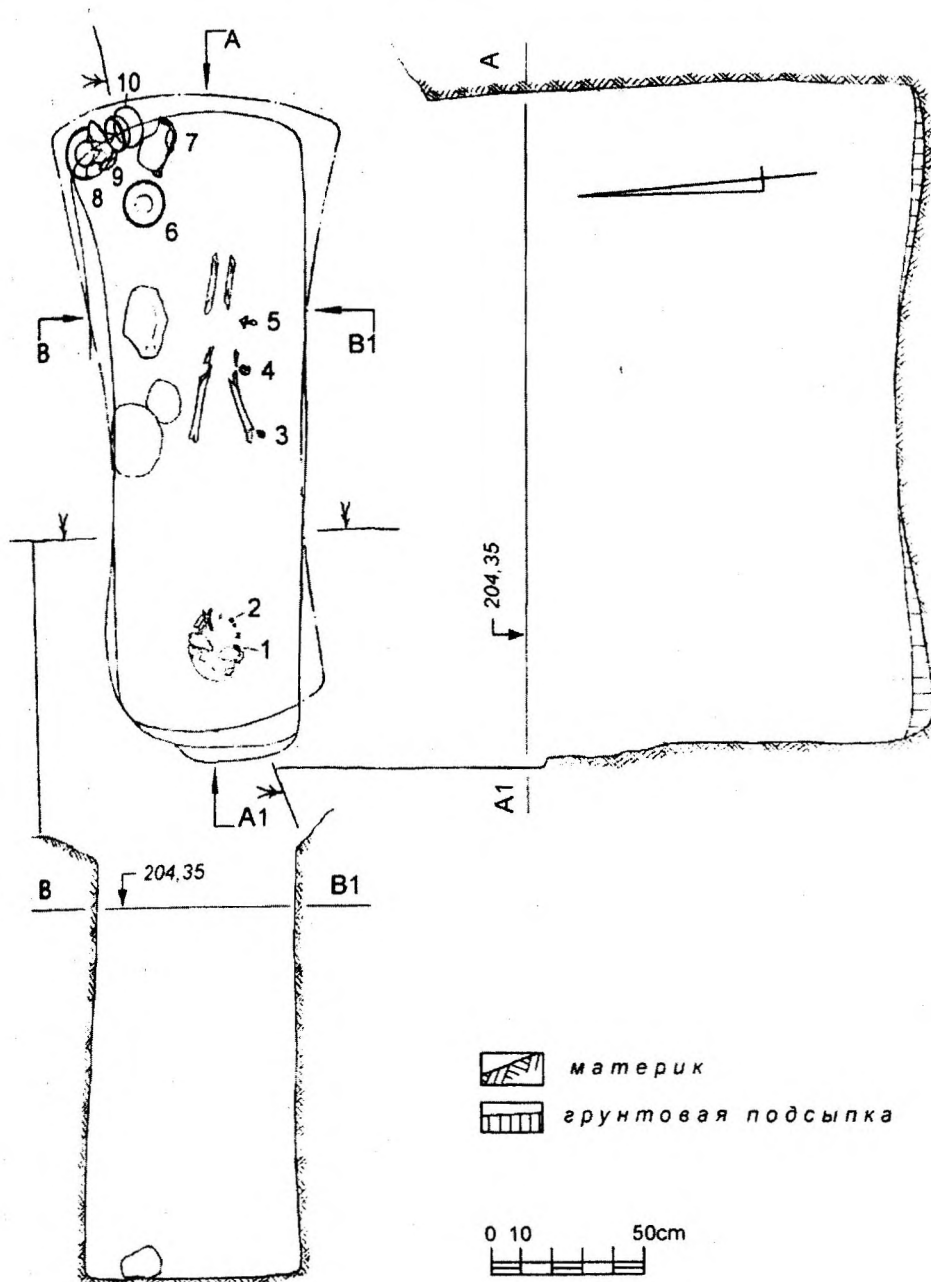

Рис. 1. Могила № 73. План и разрезы. 1 – подвеска височная бронзовая; 2 – бусина; 3 – перстень бронзовый; 4 – пряслице; 5 – фибула бронзовая; 6 – миска лепная; 7 – кувшин лепной; 8, 9 – миски лепные; 10 – горшок лепной.

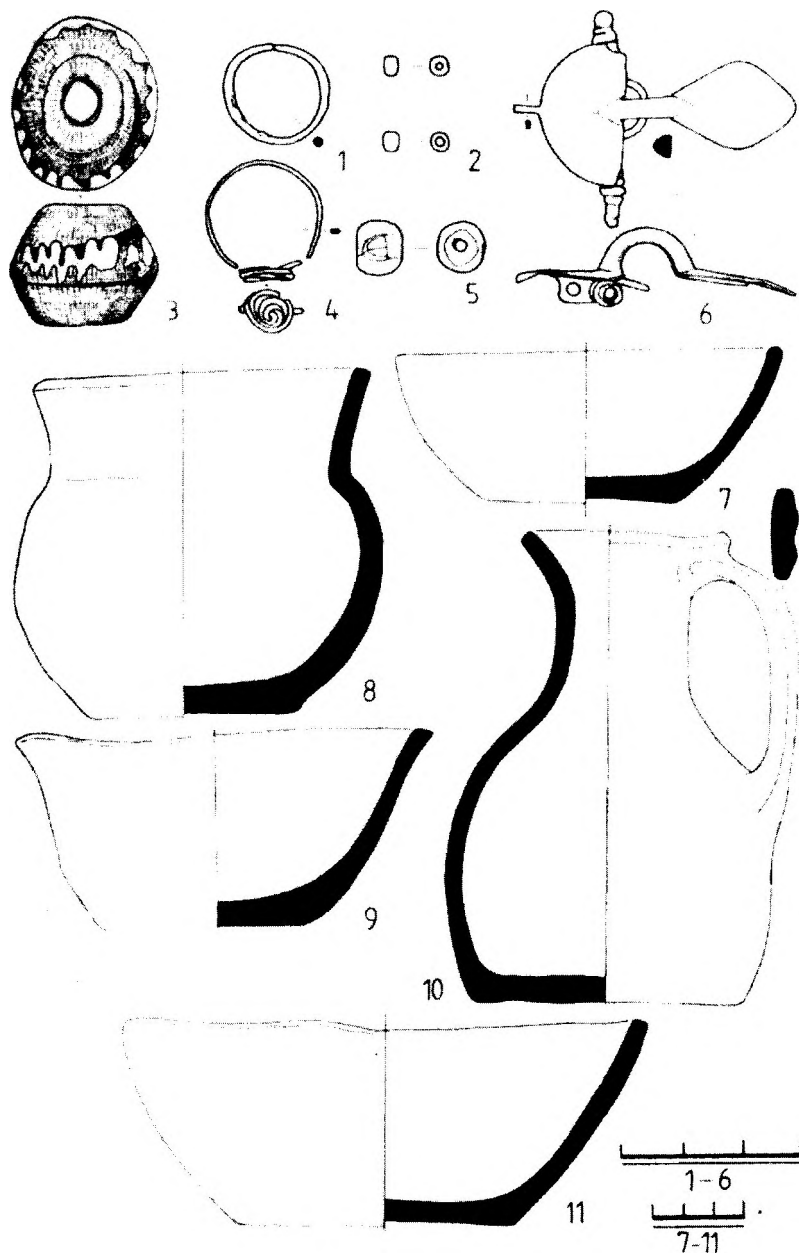

Рис. 2. Могила № 73. Погребальный инвентарь.

1 – подвеска височная бронзовая; 2, 5 – бусы стеклянные; 3 – пряслице стеклянное; 4 – перстень бронзовый; 6 – фибула бронзовая; 7-11 – сосуды лепные.

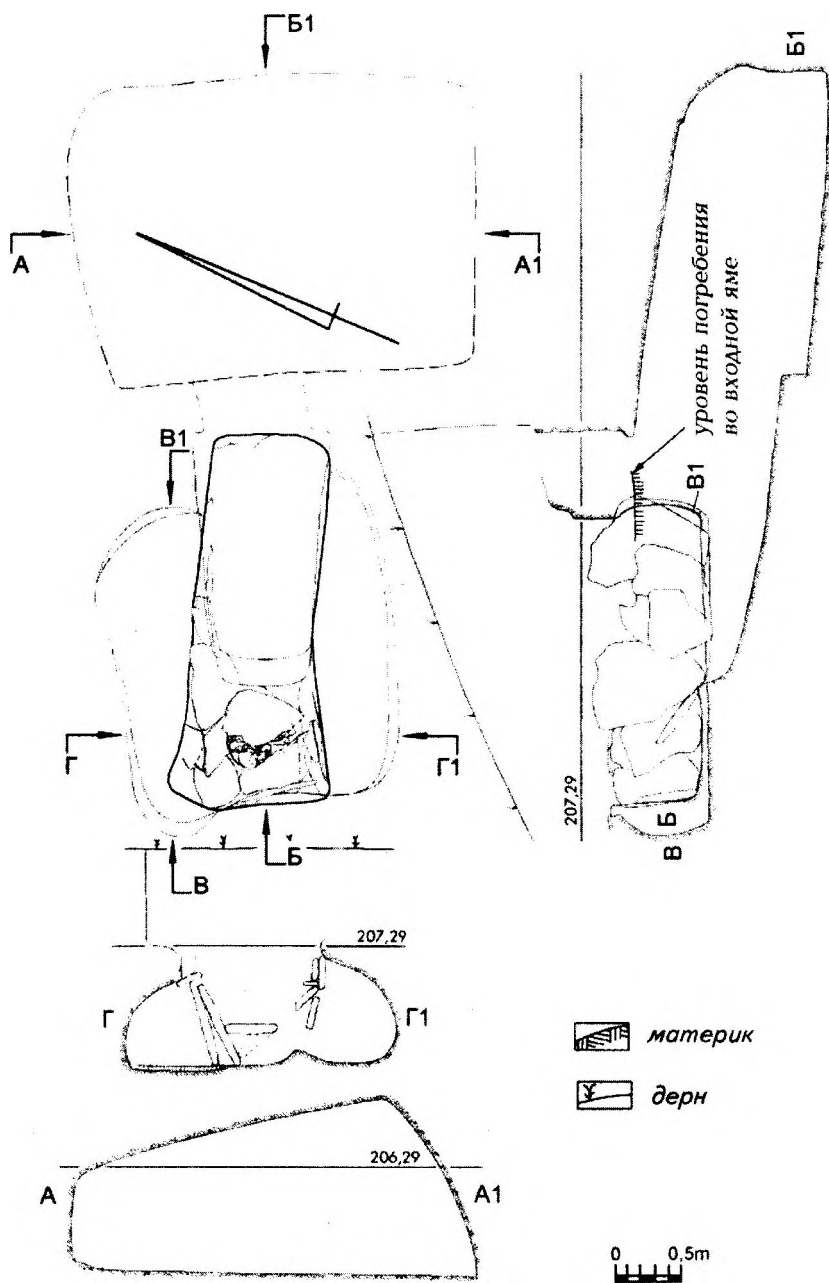

Рис. 3. Могила № 115. План и разрезы.

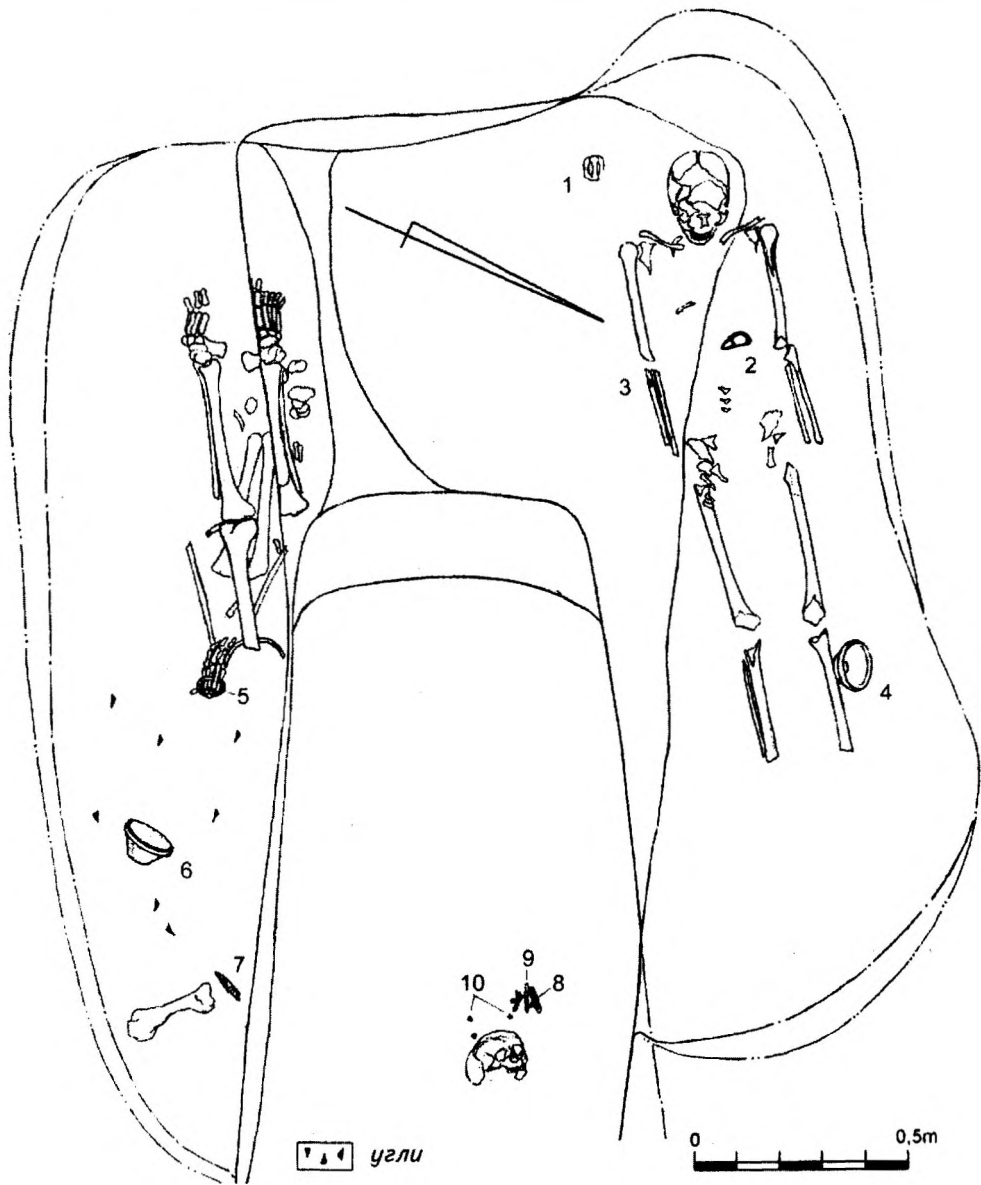

Рис. 4. Могила № 115. Подбои во входной яме склепа.

Погребение в северном подбое: 1 – пряжка железная; 2 – фибула железная; 3 – подвеска бронзовая; 4 – сосуд краснолаковый.

Погребение в южном подбое: 5 – браслет бронзовый; 6 – сосуд краснолаковый; 7 – нож.

Погребение во входной яме склепа: 8 – нож; 9 – шило; 10 – бусы.

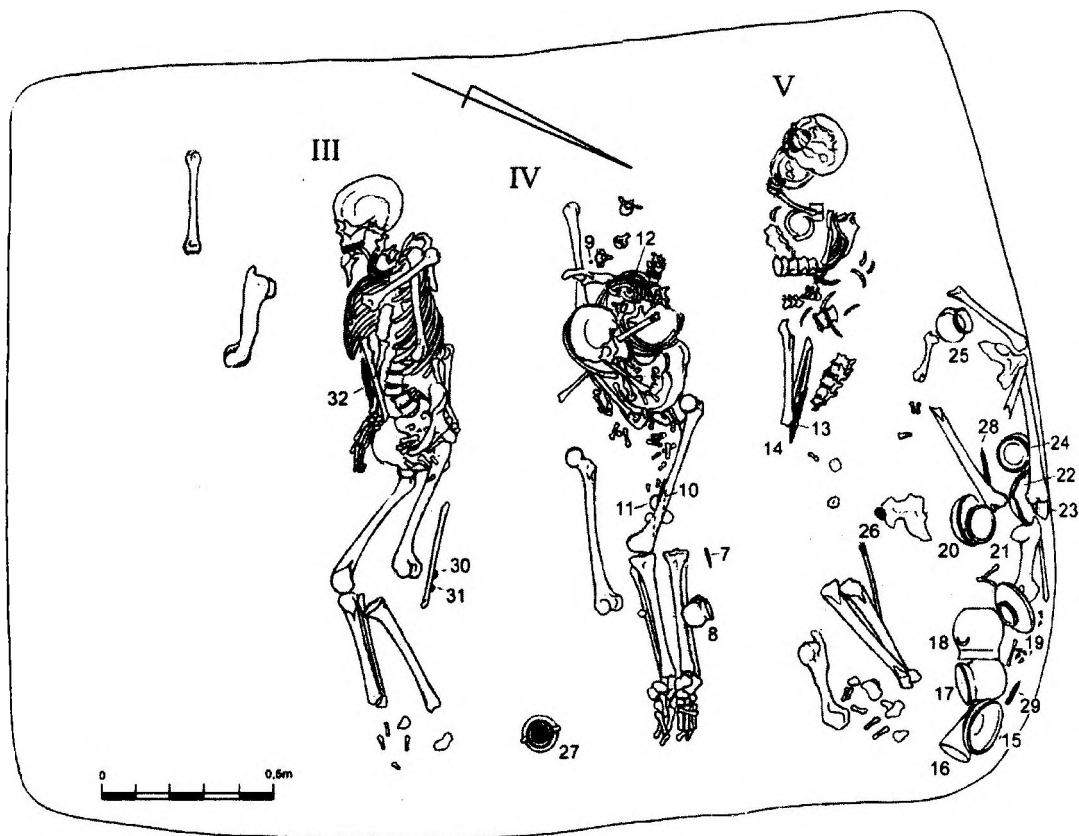

Рис. 5. Могила № 115. Погребения в погребальной камере склепа (нижний ярус). III-V – номера погребений.

7, 13 – шилья; 8, 17, 18, 20-25, 27 – сосуды лепные; 9, 31 – бусы; 10, 14, 28, 29, 32 – ножи; 11, 26 – пряжки железные; 12 – серьга бронзовая; 15, 19 – сосуды краснолаковые; 16 – сосуд стеклянный; 30 – пряжка бронзовая.

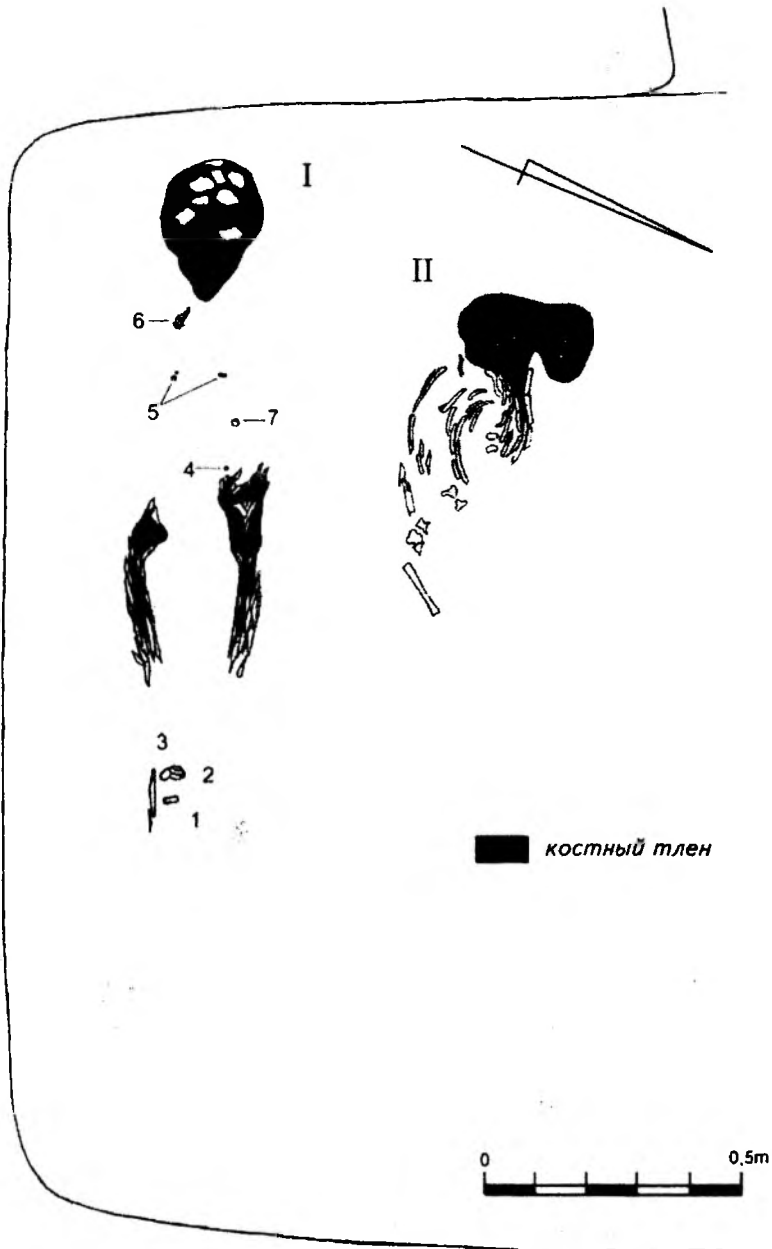

Рис. 6. Могила № 115. Погребения в погребальной камере склепа (верхний ярус). I, II – номера погребений.

1, 6 – фибулы бронзовые; 2, 3 – пряслица; 4, 5 – бусы; 7 – шило.

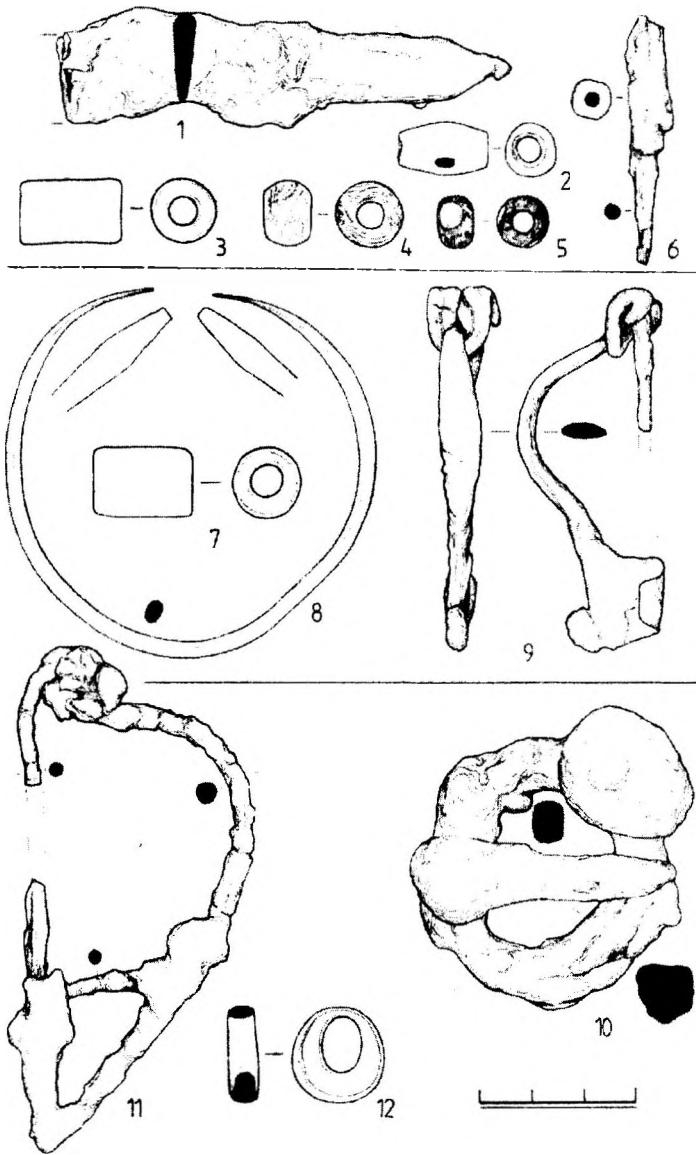

Рис. 7. Могила № 115. Погребальный инвентарь.

Погребение во входной яме: 1 – нож; 4, 5 – бусы; 6 – шило.

Заполнение входной ямы: 2 – бусина.

Среди сдвинутых костей во входной яме: 3 – бусина.

Южный подбой: 7 – бусина; 8 – браслет бронзовый; 9 – фибула железная.

Северный подбой: 10 – пряжка железная; 11 – фибула железная; 12 – подвеска бронзовая.

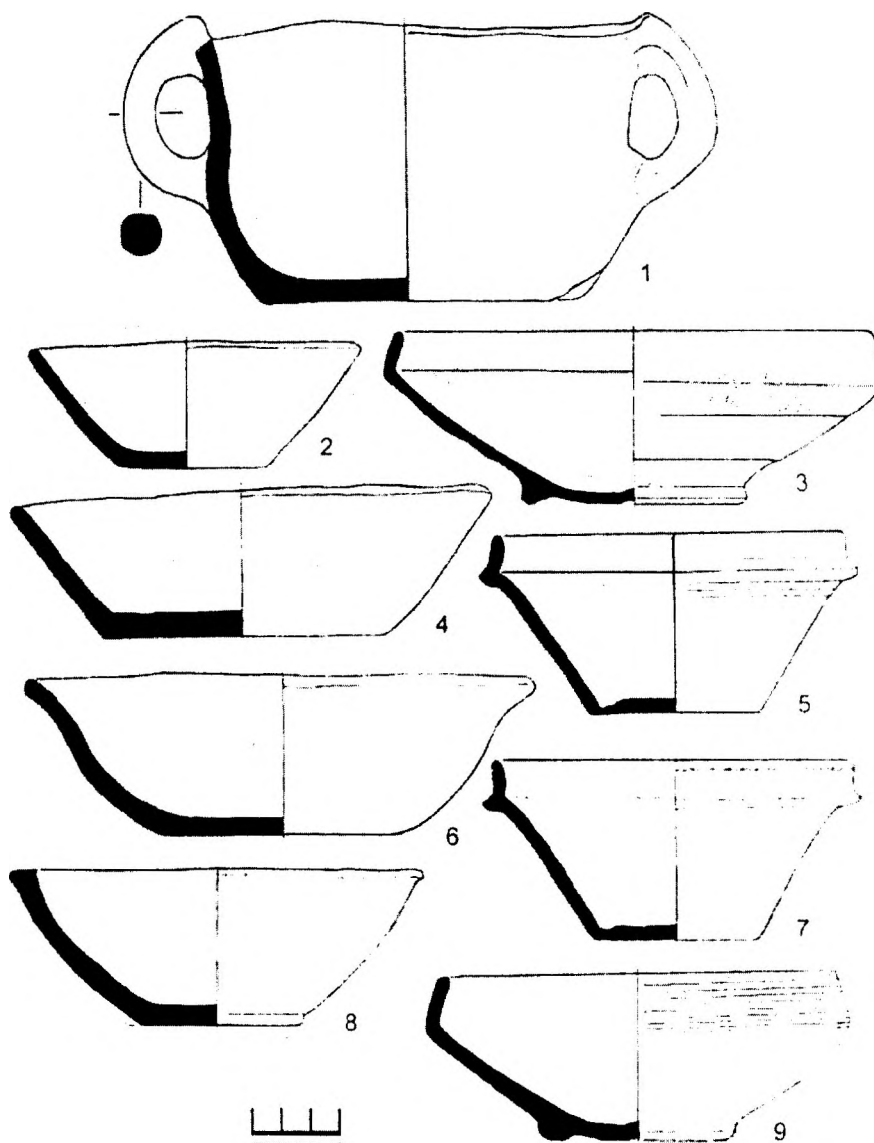

Рис. 8. Могила № 115. Погребальный инвентарь.

Входная яма: 1 – сосуд лепной.

Погребальная камера склепа: 2, 4, 6 – сосуды лепные; 3, 9 – сосуды краснолаковые.

Северный подбой: 5 – сосуд краснолаковый.

Южный подбой: 7 – сосуд краснолаковый.

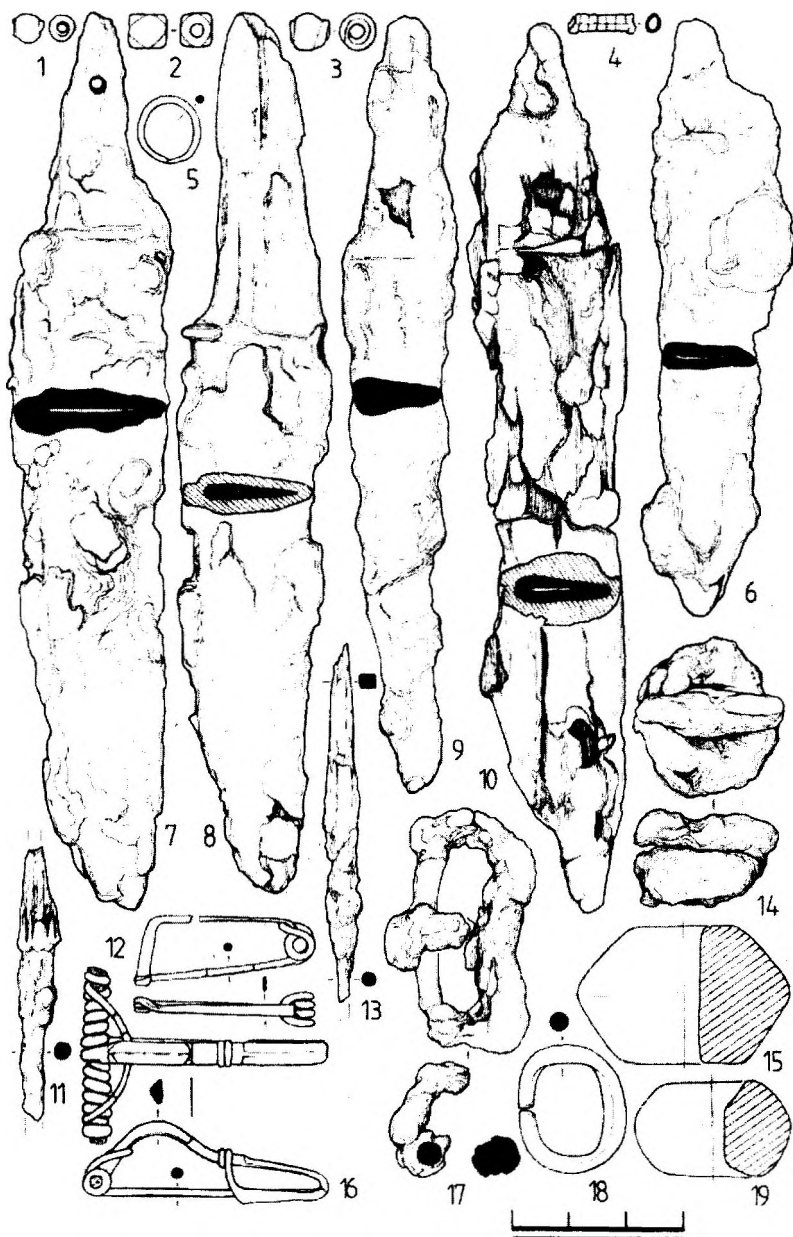

Рис. 9. Могила № 115. Погребальный инвентарь из камеры склепа.

1-3 – бусы стеклянные; 4 – пронизка бронзовая; 5 – серьга бронзовая; 6-10 – ножи железные; 11, 13 – шилья железные; 12, 16 – фибулы бронзовые; 14, 17 – пряжки железные; 15, 19 – пряслица керамические; 18 – пряжки рамка бронзовая.

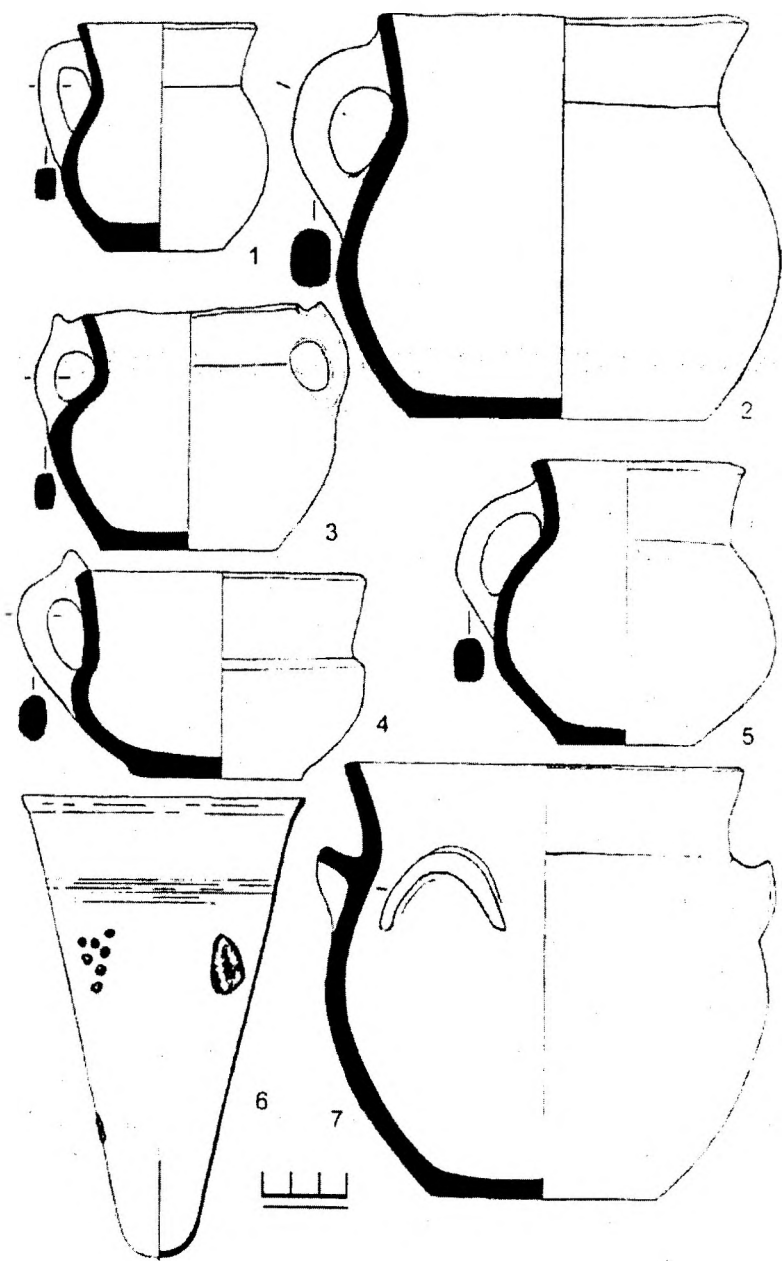

Рис. 10. Могила № 115. Погребальный инвентарь из камеры склепа.
1-5, 7 – сосуды лепные; 6 – сосуд стеклянный.